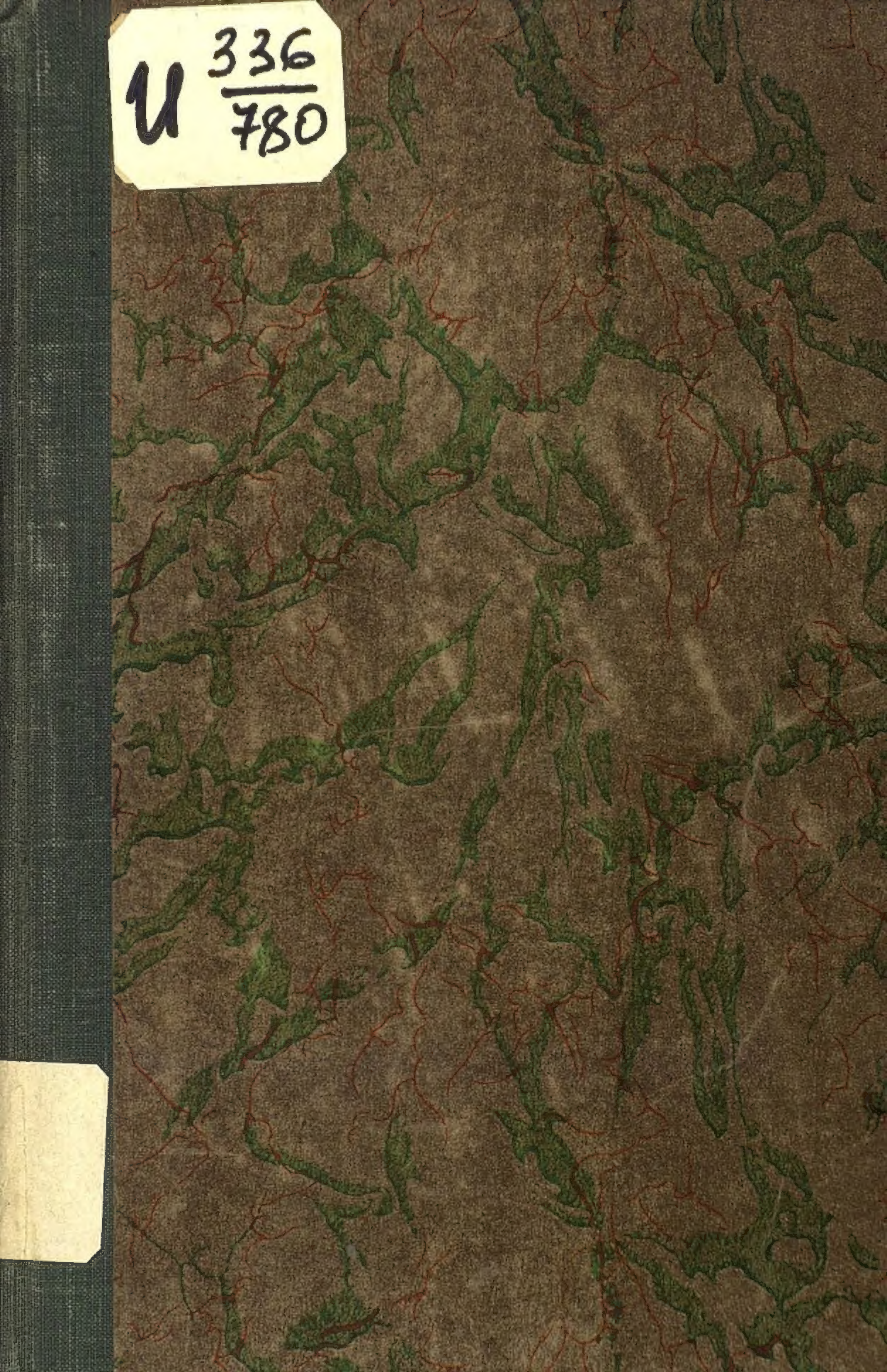

U 336/780

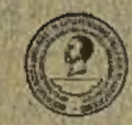
Іеродіаконъ Виссаріонъ.

ВОПРОСЪ О ВОЗМОЖНОМЪ СЛІЯНІИ МУСУЛЬМАНЪ-ИНОРОДЦЕВЪ СЪ КОРЕННЫМЪ НАСЕЛЕНІЕМЪ РУССКОЙ ИМПЕРІИ.

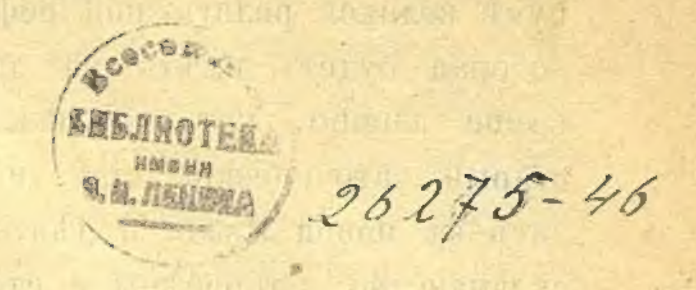
Изданіе второе.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. П. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1900

2007097091

Вопросъ о возможномъ сліяніи мусульманъ—инородцевъ съ кореннымъ населеніемъ Русской Имперіи.

«Въ настоящее время старинная борьба между христіанствомъ и мусульманствомъ далеко еще не окончена».

Проф. В. П. Васильевъ.

Вопросъ о сліяніи инородцевъ—мусульманъ съ кореннымъ населеніемъ нашей Имперіи несомнѣнно имѣетъ громадное значеніе не только въ церковно-религіозномъ отношеніи, но и въ государственномъ. Въ послѣднее время имъ стали интересоваться и обсуждать его не только русскіе православные люди, но и сами мусульмане,—конечно, образованные,—предлагая и средства для перенесенія его изъ области простого обсужденія въ область практическаго осуществленія. Послѣдніе главнымъ и важнѣйшимъ средствомъ объединенія мухаммеданъ съ русскими считаютъ—образованіе и школу. Больше свѣта, больше знаній для мусульманъ—вотъ въ чемъ прежде всего они нуждаются, вотъ что сольетъ ихъ съ русскими; только невѣжество удерживаетъ ихъ отъ близкаго, дѣятельнаго и сочувственнаго пріобщенія къ общерусской жизни. Эту мысль доказываетъ и развиваетъ не безъизвѣстный въ литературѣ Исмаилъ-Бей Гаспринскій, въ изданной имъ въ Симферополѣ брошюрѣ: „Русское мусульманство". Къ нему присоединился другой апологетъ мусульманства—Мурза-Алимъ, напечатавшій восемь статей въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" въ защиту ислама. „Мы стоимъ, говоритъ онъ, нака-

нынѣ великой религіозной реформаціи въ мусульманскомъ мірѣ, которая будетъ имѣть на дальнѣйшее развитіе мусульманъ то самое вліяніе, которое (какое?) имѣла реформація Лютера на старый католическій міръ, и эта реформація неминуемо возродитъ къ новой жизни и дѣятельности временно усыпленное мусульманство. Старовѣры и старообрядцы этой религіозной формы монотеизма останутся безъ всякаго вліянія на умственное развитіе будущихъ мусульманскихъ поколѣній и въ неравной борьбѣ за существованіе будутъ ими поглощены: таковъ уже роковой историческій ходъ умственнаго развитія въ человѣчествѣ. *Библія, Евангеліе и Коранъ не будутъ служить, какъ теперь, знаменемъ раздора, но будутъ служить лишь руководствомъ къ нравственному и умственному усовершенствованію людей*". Чтобы это скорѣе случилось, необходимо учредить для мусульманъ — академіи или „высшіе медресе". „Питомцы такихъ медресе въ своихъ мектебе, мечети и дома были бы лучшими сѣятелями русской гражданственности и государственнаго языка, ибо ничто не мѣшало бы имъ въ своихъ мектебахъ рядомъ съ туземнымъ языкомъ преподавать и русскій языкъ. Русская грамота, преподаваемая муллой и чалмоносцемъ, несомнѣнно, много выиграла бы въ смыслѣ популяризаціи и упроченія довѣрія къ ней среди массы народа (Переводчикъ № 24, 1893 г.)".

Но справедливы ли эти разсужденія? Не отрицая вообще значенія образованія въ дѣлѣ сліянія различныхъ національностей въ одно цѣлое, мы однако склонны думать, что это сліяніе едва-ли можетъ произойти *отъ однихъ только успѣховъ просвѣщенія*. Намъ кажется, что сліяніе разныхъ народовъ, жившихъ до того времени совершенно отдѣльной жизнію, въ одинъ государственный организмъ есть результатъ вліянія многихъ факторовъ и прежде всего религіи. И это въ особенности вѣрно по отношенію къ исламу. Дѣло въ томъ, что исламъ вошелъ въ плоть и кровь своихъ послѣдователей, сталъ ихъ душой, сдѣлался главнымъ, руководящимъ принципомъ ихъ жизни, не только собственно религіозной, но и государственной, и общественной и семейной; отнять у мусульманина его исповѣданіе значитъ тоже, что уничтожить его духовный обликъ, которымъ онъ такъ

рѣзко выдѣляется изъ всего человѣчества. Это наше мнѣніе находитъ для себя подтвержденіе въ жизни мусульманскихъ государствъ, существованіе которыхъ тѣсно связано съ существованіемъ самого ислама. Въ виду этого надежда на сліяніе мусульманъ, живущихъ въ нашемъ отечествѣ, съ кореннымъ его населеніемъ путемъ распространенія среди нихъ *одного образованія* есть не болѣе, какъ только мечта. Сколько вы ни просвѣщайте мусульманина, онъ все останется мусульманиномъ, потому что своими религіозными воззрѣніями, своей культурой, своей исторіей, бытомъ и нравами, всѣмъ своимъ существомъ онъ тѣсно связанъ съ цѣлымъ, дорогимъ для него міромъ ислама, который, утвердившись и окаменѣвъ на востокѣ, самымъ фактомъ своего существованія отрицаетъ все то, что у насъ соединяется съ понятіемъ „прогресса“.

Наше мнѣніе подтверждается *вѣроученіемъ ислама*, *его исторіей и настоящимъ состояніемъ его какъ на востокѣ*, *такъ и у насъ въ Россіи.*

I.

Итакъ, первый вопросъ, который мы должны здѣсь разсмотрѣть,—это вопросъ о томъ, что въ вѣроученіи ислама есть такого, что возбуждаетъ въ послѣдователяхъ мухаммеда религіозный фанатизмъ, мѣшающій имъ входить въ близкое общеніе и мирное духовное единеніе съ народами, исповѣдующими другую религію, и въ особенности христіанскую? Всѣ религіи высшее совершенство человѣка полагаютъ въ *уподобленіи* его божеству. Какъ язычество, такъ и іудейство и христіанство сходятся въ этомъ пунктѣ, но онѣ неодинаково представляютъ Высочайшее Существо; поэтому и нравственныя предписанія ихъ въ этомъ отношеніи весьма различны. Существенная черта, напр., христіанскаго понятія о Богѣ заключается въ представленіи Высочайшаго Существа *любящимъ всѣхъ людей любовью отца*. Это основоположеніе его отразилось и на нравственномъ ученіи. Любовь ко всѣмъ людямъ безъ всякаго различія — вотъ тотъ признакъ, который характеризуетъ истинныхъ послѣдователей Спа-

сителя нашего. Тоже самое только въ обратномъ видѣ мы находимъ и въ исламѣ. Богъ Мухаммеда — это восточный деспотъ, сильный, мстительный и хитрый, — словомъ, обладающій всѣми недостатками восточнаго человѣка въ высшей степени. Онъ во многомъ напоминаетъ древне-арабскаго бога Аллаха-Таалу. Можно указать множество мѣстъ въ Коранѣ, изъ которыхъ видно, что Богъ ислама представляетъ прямую противоположность христіанскому Богу—Богу любви. Напр. въ 81 ст. 9 главы говорится: „молись о прощеніи имъ, или не молись о прощеніи имъ... если помолишься о прощеніи имъ и семьдесятъ разъ, Богъ не проститъ имъ". И развѣ согласно съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ ученіе Корана о томъ, что Богъ, въ силу одного произвола, однихъ людей ведетъ къ спасенію, а другихъ къ погибели, отнимая у послѣднихъ всѣ средства узнать истину. „Богъ кого хочетъ, говорится въ 39 стихѣ 6 главы Корана, вводитъ въ заблужденіе, и, кого хочетъ, ставитъ на прямой путь". Еще: „для нечестивыхъ все равно—учишь ли ихъ, или не учишь ихъ: они не вѣруютъ. Богъ запечаталъ сердца ихъ и слухъ ихъ, и на очахъ ихъ покрывало: имъ будетъ мучительная казнь". Подобныхъ стиховъ множество. Изъ общаго тона и смысла ихъ съ несомнѣнностью вытекаетъ то заключеніе, что въ мухаммеданскомъ понятіи о Богѣ нѣтъ мѣста свойству любви. И вотъ эта-то черта ученія ислама и является причиною того, что отношенія „правовѣрныхъ" къ невѣрнымъ носятъ на себѣ печать крайняго фанатизма и озлобленія. Какъ христіанскій Богъ, Богъ любви и милосердія, въ сердцахъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ Его, рождаетъ любовь, такъ напротивъ Богъ ислама, Богъ *мести,* зажигаетъ въ сердцахъ своихъ послѣдователей вражду ко всѣмъ тѣмъ, которые не признаютъ надъ собой его владычества.

Отношенія мусульманъ къ невѣрнымъ особенно ярко выступаютъ въ такъ-называемомъ *джигадѣ*, т. е. священной войнѣ за исламъ, какъ единую истинную религію на землѣ. Эта война считается въ Коранѣ весьма высокимъ и богоугоднымъ нравственнымъ подвигомъ, какъ содѣйствіе Богу въ распространеніи истиннаго боговѣдѣнія между невѣрными (47, 6—8). По мусуль-

манскому воззрѣнію, такая война считается выше поста и молитвы. Нравственныя обязанности ислама расположены въ такомъ порядкѣ: молитва—она доводитъ насъ до половины дороги отъ трона Божія, затѣмъ постъ—онъ приближаетъ насъ къ дверямъ дворца Господа, наконецъ милостыня — она доставляетъ намъ входъ въ него. А о войнѣ мусульманскіе богословы говорятъ, что она есть ключъ неба и бездны, и что капля крови, пролитая на пути Божіемъ, имѣетъ больше значенія въ очахъ Божіихъ, чѣмъ два мѣсяца поста и молитвы. Тотъ, кто погибнетъ въ сраженіи за вѣру, получитъ разрѣшеніе грѣховъ.

Обязанность нести тяготы священной войны простирается на всѣхъ мусульманъ; неучастіе въ ней свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ вѣры и ставится въ разрядъ самыхъ непростительныхъ преступленій противъ религіи, напр., невѣрія. Обязательную силу священная война имѣетъ до тѣхъ поръ, пока на землѣ не будетъ существовать въ качествѣ единственной религіи исламъ. „Ратуйте, говорится въ Коранѣ, противъ невѣрныхъ, до тѣхъ поръ, пока не останется невѣрія и пока не будетъ вѣра только въ Бога (8, 40)“. Какое вліяніе оказывали на послѣдователей ислама кораническія предписанія о священной войнѣ, это можно видѣть, напр., изъ нижеслѣдующихъ разсказовъ.

Мать и сестра провожали на войну въ Сирію одного араба. Прощаясь съ ними, онъ говорилъ: „ни выгоды, ни преходящія удовольствія этого міра побудили меня посвятить свою жизнь дѣлу религіи, но желаніе заслужить благоволеніе Бога и Его пророка... Прощайте, мы встрѣтимся среди рощей и фонтановъ, какіе Богъ приготовилъ своимъ избранникамъ“. Другой арабъ, приготовляясь къ священной войнѣ, такъ говорилъ своей матери: „мать моя! я иду на священную войну; можетъ быть и моя судьба будетъ такая же, какъ и моего отца и дѣда, которые пали предъ глазами нашего благословеннаго пророка“. Мать отвѣчала: „сынъ мой! тебѣ нужно умереть за дѣло, которое можетъ сдѣлать тебя богатымъ въ день нужды“. Этотъ арабъ подвергся на войнѣ величайшимъ опасностямъ; спутники его хотѣли защитить его отъ непріятельскихъ стрѣлъ, но тайный голосъ призывалъ его къ мученичеству, и онъ сказалъ себѣ: „иду...

посылаю свою душу". Онъ былъ пораженъ, и умирая сказалъ своему другу: „Рафигъ! я поручаю тебѣ извѣстить мою мать, что я выполнилъ свое назначеніе. Когда ты придешь къ ней и моимъ неустрашимымъ товарищамъ, передай имъ „миръ". Я не сожалѣю о своемъ пораженіи, потому что послѣ смерти надѣюсь наслѣдовать рай". Когда вѣсть о смерти сына дошла до матери, она воскликнула: „о, сынъ мой! въ жизни ты былъ счастливъ, въ смерти—мученикъ,—послѣдовавъ по стопамъ отца... Какъ милостивъ Богъ, что Онъ помогъ тебѣ въ твоемъ исходѣ; поможешь ли ты мнѣ въ день воскресенія? (XIV Вып. противомух. Сборн.).

Приведенные разсказы весьма ясно говорятъ о томъ, до какой степени можетъ возбуждать мусульманъ призывъ къ священной войнѣ. Отсюда очевидно, что и наши мусульмане не могутъ не таить чувства вражды къ русскимъ, какъ невѣрнымъ — *гяурамъ*, исповѣдующимъ христіанскую вѣру, которая отрицаетъ мусульманство. Правда, наши мусульмане въ силу своего положенія не могутъ всегда и въ рѣзкой формѣ обнаруживать къ намъ свою непріязнь, но все же они сознаютъ, что между ними и кореннымъ населеніемъ Имперіи существуетъ великая пропасть, которую можетъ уничтожить только перемѣна вѣры той или другой стороной. А этого сознанія достаточно для того, чтобы то единеніе, о которомъ мы говоримъ, было только благочестивымъ желаніемъ.

II.

Если теперь, послѣ изложенія догматическаго ученія объ отношеніи къ иновѣрцамъ, обратимся къ исторіи, т.-е. будемъ изслѣдовать, какъ оно отразилось въ дѣйствительности, то придемъ къ тѣмъ же результатамъ.

Взаимныя отношенія христіанства и мусульманства никогда не были мирными, да и не могли быть такими, потому что названныя религіи взаимно исключаютъ одна другую въ самыхъ существенныхъ пунктахъ своего ученія. Еще при жизни Мухаммеда, основателя ислама, начались его враждебныя отношенія

къ христіанству. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени, въ продолженіе почти тринадцати столѣтій, борьба эта продолжается и успѣхъ ея клонится то на ту, то на другую сторону. Современное направленіе этой старинной борьбы имѣетъ важный интересъ для насъ, такъ какъ въ предѣлахъ Русскаго государства считается около 15 милліоновъ мусульманъ.

Если бы мы захотѣли представить исторію завоеваній ислама, сопровождавшихъ его распространеніе въ мірѣ, и его борьбу съ христіанствомъ, то намъ пришлось бы повторить всѣмъ извѣстныя печальныя страницы изъ исторіи Сиріи, Антіохіи, Іерусалима, Египта, Испаніи, Константинополя и средней Азіи. Впрочемъ, область распространенія ислама не ограничилась исчисленными пунктами: мусульманъ много въ Индіи и даже Китаѣ. „Въ самомъ дѣлѣ сбыточное-ли дѣло, говоритъ проф. Васильевъ, чтобы магометанство въ одномъ Китаѣ отказалось отъ прозелитизма?“ (О движеніи магометанства въ Китаѣ). Но можетъ быть намъ скажутъ, что это было давно,—въ то время, когда обстоятельства благопріятствовали возбужденію мусульманскаго фанатизма, а теперь совсѣмъ другое время и другія условія жизни?

Конечно, нѣкоторая доля справедливости въ этомъ возраженіи есть и нужно согласиться съ тѣмъ, что мусульманскій фанатизмъ сталъ слабѣе, но это еще не значитъ, что ученіе Корана о священной войнѣ и „преданія давно минувшихъ дней“ не имѣютъ въ наше время никакого значенія для мухаммеданъ. Нѣтъ, мусульмане остались тѣми же мусульманами и ихъ отношенія къ иновѣрцамъ при благопріятныхъ условіяхъ всегда готовы принять враждебное направленіе. Да и странно было-бы, если-бы Коранъ утратилъ свое вліяніе на мусульманъ: чѣмъ же будутъ жить тѣ 200 милліоновъ людей, которые исповѣдуютъ исламъ, если они забудутъ свою священную книгу?

Наши разсужденія достаточно подтверждаются тѣми фактами изъ жизни мухаммеданъ, которые характеризуютъ ихъ отношеніе къ русскимъ и православію за послѣднее время. Укажемъ здѣсь нѣсколько такихъ фактовъ, которые *могутъ служить выраженіемъ общаго настроенія мусульманъ*. Въ 1875 г., въ

Средней Азіи, былъ такой случай. Одинъ мулла обращался къ русскимъ властямъ съ такимъ воззваніемъ: „по нашему шаріату, мы обязаны драться съ вами. Такъ повелѣлъ Всевышній Богъ. Если мы поразимъ, то будемъ бойцами за вѣру; если же умремъ, то будемъ великими мучениками: къ тому и другому мы стремимся. По нашему шаріату, необходимо однажды пригласить васъ принять исламъ. Если вы хотите направиться по истинному пути и сдѣлаться мусульманами, то будете братьями... Если же не согласитесь, то будемъ драться... и если окажется у васъ желаніе драться, то сразимся, и одна изъ сторонъ обратится въ прахъ. То и другое составляетъ цѣль нашихъ желаній и, по нашему закону и обычаю, отъ этого отказаться невозможно. Богъ и слово наше едино" [1]). Эти дерзкія слова напоминаютъ намъ другое воззваніе, которое послалъ египетскій *махди* мусульманскимъ вождямъ Абиссиніи. „Шлемъ вамъ привѣтъ, говорится въ немъ, и желаемъ вамъ здравія, благоденствія и долгоденствія. Послѣдуйте нашему примѣру, и обнажите мечъ за Аллаха и его пророка для распространенія ислама! Если вы сдѣлаете это и пришлете войско на соединеніе съ нашей арміей, въ которой уже насчитывается 40,000 хорошо вооруженныхъ бойцовъ, мы сочтемъ васъ нашими братьями и раздѣлимъ съ вами нашу добычу... Нашъ общій врагъ—назарянинъ... а такъ какъ потомокъ Магомета—Али не стыдится быть союзникомъ христіанъ, то правовѣрные должны и ему объявить войну. Поэтому обнажайте мечъ не колеблясь" [2]).

Подобныя воззванія переносятъ насъ къ первымъ днямъ исторіи ислама, когда призывъ къ священной войнѣ возбуждалъ страшный фанатизмъ у мусульманъ. Теперь онъ, конечно, гораздо слабѣе, но всякое обстоятельство, благопріятствующее ему и способное вызвать его, показываетъ, какъ далеки наши мусульмане отъ интересовъ общерусской жизни. Въ 1893 году въ Бахчисараѣ распространился слухъ, будто русскіе хотятъ посягнуть на религію мусульманъ; произошло волненіе, нѣсколько

---

[1]) С.-Пб. Вѣд., 1875, № 269.
[2]) Моск. Вѣд. 1883, № 32.

семей собралось эмигрировать въ Турцію, и только пріѣздъ губернатора возстановилъ нарушенное спокойствіе. А вотъ что писалъ г. Анастасіевъ, инспекторъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи, послѣ посѣщенія имъ татарскихъ школъ: „очень непривѣтливо, недружелюбно встрѣчали меня эти духовные вожди татаръ (муллы): я былъ для нихъ незванымъ и неожиданнымъ гостемъ, гяуромъ изъ русскихъ чиновникомъ... Прибывъ въ деревню, останавливался я на въѣзжей квартирѣ, призывалъ старшину или старосту и муллу и, объявивъ имъ о цѣли своего пріѣзда, вмѣстѣ съ ними шелъ въ школу... Осматривать школу одному, безъ провожатыхъ, было бы небезопасно: я зналъ, что татары ненавидятъ русскихъ чиновниковъ и священниковъ. Въ одной деревнѣ, именно въ Большихъ Тарханахъ, волостной старшина изъ крещеныхъ чувашъ, человѣкъ почти обрусѣвшій, всячески отклонялъ меня отъ посѣщенія школъ, опасаясь поголовнаго возстанія татаръ, которые въ прошломъ году, по словамъ старшины, чуть было не побили мѣстнаго исправника“ [1]).

По поводу этого сообщенія невольно припоминается тифлисскій фанатикъ Сеидъ-Багира, который постоянно твердилъ: *„вѣроотступникъ тотъ мусульманинъ, который учитъ своихъ дѣтей русскому языку, одѣвается по европейски, не брѣетъ головы или носитъ русскіе сапоги“*.

Намъ думается, что подобныхъ фанатиковъ едва-ли можно пріобщить къ русской культурѣ только посредствомъ образованія. Муллы, пожалуй, не станутъ отрицать пользы просвѣщенія, но они воспользуются имъ для своихъ цѣлей. Послѣдняго обстоятельства не скрываютъ и сами образованные татары; такъ одинъ изъ нихъ на страницахъ „Переводчика“ для скорѣйшаго насажденія науки среди татаръ предлагалъ ее *исламизировать*. Мы не знаемъ, что обозначаетъ это выраженіе, и что останется отъ науки, если ее исламизировать. Не значитъ-ли это только вдохнуть новый духъ въ старый мусульманскій міръ для борьбы съ христіанствомъ? Старинная борьба можетъ затянуться на долго, принявъ новыя формы.

---

1) „Рус. Школа“, 1893 г., № 12.

Наконецъ, слѣдуетъ припомнить и извѣстное Андижанское событіе, въ которомъ такъ ясно и такъ дерзко выразился мусульманскій фанатизмъ уже въ формѣ открытаго вооруженнаго нападенія на русскій военный лагерь.

Изъ всего сказаннаго, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что мусульмане не научились еще вѣротерпимости, предписанія Корана о враждѣ съ иновѣрными народами составляютъ для нихъ святое убѣжденіе, которое они, *при благопріятныхъ обстоятельствахъ*, готовы даже осуществить въ жизни. Но къ счастію такія обстоятельства въ наше время случаются уже не часто.

III.

Факты мусульманскаго фанатизма будутъ для насъ еще яснѣе, если мы укажемъ тѣ способы, которыми они создаются и поддерживаются. Ихъ можно раздѣлить на внѣшніе, т.-е. исходящіе изъ иностранныхъ мусульманскихъ центровъ и внутренніе т.-е. имѣющіе мѣсто въ нашемъ отечествѣ. Къ первымъ мы относимъ хаджъ — священное путешествіе въ Мекку и газеты и разныя мусульманскія изданія, приходящія къ намъ изъ-за границы, — и преимущественно изъ Константинополя и Тегерана.

Хаджъ есть собственно религіозная мусульманская обязанность, заповѣдь, которую необходимо исполнить, чтобы спасти душу; онъ имѣетъ у мусульманъ гораздо большее значеніе, чѣмъ у христіанъ путешествіе во св. землю. Но съ этой точки зрѣнія мы не будемъ его разсматривать, а обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ хаджъ поддерживаетъ мусульманскій фанатизмъ. Нужно знать, что во главѣ всѣхъ оффиціальныхъ лицъ Мекки стоитъ *шерифъ*, духовный и свѣтскій ея глава. Шерифъ Мекки имѣетъ право издавать *фетвы*, которыя имѣютъ обязательную силу для всего мусульманского міра; вслѣдствіе этого онъ имѣетъ громадное вліяніе на всѣхъ мухаммеданъ въ какой-бы странѣ они ни жили; въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть сравниваемъ съ средневѣковыми папами. Шерифъ Мекки имѣетъ во всѣхъ мухаммеданскихъ странахъ своихъ агентовъ, чрезъ которыхъ и

дѣйствуетъ. Во время послѣдней русско-турецкой войны онъ сильно настаивалъ на необходимости объявленія войны султаномъ противъ нашего отечества. Конечно, въ Меккѣ мусульманскій фанатизмъ поддерживается не однимъ шерифомъ, а всѣми духовными особами и даже свѣтскими лицами, для которыхъ Коранъ является не мертвой книгой, а живымъ источникомъ воодушевленія. Такимъ образомъ Кааба во время хаджа служитъ мѣстомъ религіозной пропаганды и политическихъ волненій въ мусульманскомъ мірѣ.

Представьте же себѣ теперь, что въ этотъ священный для мухаммеданъ городъ является какой-нибудь благочестивый паломникъ изъ Россіи; онъ еще на родинѣ много наслышался о Меккѣ, ея святыняхъ и духовныхъ особахъ; еще тамъ она была окружена въ его глазахъ ореоломъ чего то неземного, — и вдругъ все это онъ видитъ своими глазами вмѣстѣ съ другими богомольцами, настроенными такъ-же, какъ и онъ. Религіозное чувство усиливается до высшей степени: пилигримъ сознаетъ и чувствуетъ себя связаннымъ съ цѣлымъ мусульманскимъ міромъ единствомъ религіи и святыней ея. Онъ вспоминаетъ тѣ времена изъ исторіи ислама, когда мусульмане готовы были стереть съ лица земли всѣхъ невѣрныхъ. Онъ представляетъ себѣ, какъ войска правовѣрныхъ совершаютъ свои походы во имя Бога и Его пророка. Если онъ знаетъ хотя немного исторію своей религіи, то припомнитъ паденіе Іерусалима, городовъ Сиріи, Антіохіи, Египта, Испаніи и Константинополя подъ мечемъ мусульманъ. Мысль хочетъ идти дальше... онъ созерцаетъ цѣлый міръ покореннымъ „печати пророковъ". Въ такихъ чувствахъ и мечтахъ бѣдный богомолецъ готовъ теперь же идти войной на невѣрныхъ со всей этой 200-тысячной толпой, одушевленной тѣми же чувствами, чтобы обратить ихъ въ исламъ или стереть съ лица земли.

И вотъ онъ возвращается въ Россію. Думаете-ли вы, что этотъ богомолецъ не повѣдаетъ своимъ единовѣрцамъ тѣхъ думъ, которыя возбудила въ немъ Мекка, тѣхъ рѣчей, которыя онъ тамъ слышалъ, тѣхъ впечатлѣній, какія онъ тамъ пережилъ? И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что всякій мусульманинъ, совер-

шившій путешествіе въ Мекку, есть лицо священное, пользующееся на родинѣ особымъ почетомъ, уваженіемъ и довѣріемъ. Мекканскимъ паломникамъ, при возвращеніи ихъ на родину, устраиваютъ обыкновенно торжественныя встрѣчи. Вотъ, напр., что разсказываетъ о нихъ извѣстный ученый и путешественникъ по Востоку Вамбери. Онъ вмѣстѣ съ паломниками въѣзжаетъ въ Гемюштепе (въ Сред. Азіи). „Извѣстіе о нашемъ пріѣздѣ, говоритъ онъ, распространилось повсюду: женщины, дѣти и даже собаки высыпали въ странномъ смятеніи изъ палатокъ поглазѣть на приближающихся пилигримовъ и прикосновеніемъ къ нимъ пріобрѣсти частицу заслугъ и вознагражденія за нихъ, согласно съ божественнымъ предписаніемъ о пилигримахъ... Странно! Молодые и старые, безъ различія пола и званія, всѣ желали прикоснуться къ хаджи, на которыхъ опочилъ святой прахъ Медины или Мекки... Мы были утомлены, измучены изъявленіями уваженія. Въ воротахъ же Хивы насъ встрѣтило нѣсколько благочестивыхъ хивинцевъ и поднесли намъ сухихъ фруктовъ и хлѣба. Уже давно не пріѣзжало въ Хиву такого множества хаджи. Всѣ смотрѣли на насъ съ удивленіемъ и со всѣхъ сторонъ доносились до нашего слуха восклицанія: „добро пожаловать! Ахъ, мой соколъ! мой левъ!“ Я былъ глубоко тронутъ, когда народъ бросился цѣловать мои руки и ноги, да и лохмотья, висѣвшія съ моего пояса“. Проводы изъ Хивы были таковы: „многіе жители бѣжали за нами около полмили; благочестивыя чувства вызывали слезы изъ ихъ глазъ и мы слышали ихъ отчаянныя восклицанія: „кто знаетъ, когда Хивѣ придется опять имѣть счастье пріютить въ своихъ стѣнахъ столько благочестивыхъ мужей. (Путеш. по Сред. Азіи А. Вамбери)“.

Послѣ знакомства съ такими фактами было-бы странно думать, что пилигримы не могутъ поддерживать религіознаго фанатизма мусульманъ, если у нихъ есть хотя немного желанія дѣлать это, а таковое желаніе у нихъ несомнѣнно есть.

Другимъ средствомъ, могущимъ поддерживать мусульманскій фанатизмъ, служатъ газеты и другія мусульманскія изданія. Мусульманскій міръ въ общемъ очень невѣжественъ, но волна европейскаго образованія, при своемъ неудержимомъ стремленіи рас-

пространиться шире, достигла и востока—колыбели ислама. И вотъ мусульманскіе ревнители, питаясь крохами просвѣщенія, падающими съ европейскаго стола, вздумали извлечь изъ нихъ наибольшую пользу для своихъ религіозно-политическихъ цѣлей. На страницахъ своихъ газетъ они часто помѣщаютъ возбуждающія статьи. Для характеристики такого писательства приведемъ нѣсколько выдержекъ, взятыхъ изъ одной мусульманской газеты, девизомъ которой служитъ единеніе всѣхъ правовѣрныхъ, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали. („Новое Время" 1881 г., № 2016).

„Единеніе ислама наше непреложное исповѣданіе, говорится здѣсь. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ спасительный кличъ встрѣтитъ отголосокъ во всѣхъ населяющихъ земной шаръ послѣдователяхъ ислама. Государства мусульманскія... подпали подъ несправедливый авторитетъ европейскихъ державъ. А почему бы, спрашивается, не призвать мусульманъ къ единодушному отпору европейцамъ, презирающимъ неоспоримыя права ислама? Почему не возбудить ревности вырвать эти права изъ рукъ европейскихъ хищниковъ, торгующихъ справедливостью? А то вонъ посмотрите: мусульманское государство Фецъ гибнетъ въ тиранническихъ когтяхъ англійскаго, французскаго и испанскаго владычества. А сколько терпятъ алжирскіе мусульмане насилій и притѣсненій отъ цивилизованныхъ французовъ?... Они не знаютъ ни сна, ни покоя и разсѣялись по пустынямъ, борясь за свою честь, имущество, вѣру и отечество, выступивъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ французовъ. Тоже самое въ Тунисѣ, Индіи и Афганистанѣ. А мусульмане, обитающіе въ бухарскихъ предѣлахъ, падаютъ подъ ударами сабель и штыковъ русскихъ, отстаивая свою независимость. Справедливо ли говорить послѣ этого, что мусульманамъ не нужно единство? Нѣтъ, сто разъ нѣтъ". Подобныя разсужденія и обращенія (а ихъ много), конечно, могутъ имѣть громадное вліяніе на массу исламитянъ; газеты съ такимъ направленіемъ становятся очень популярными въ массѣ народа на востокѣ, а отсюда переходятъ и къ намъ и оказываютъ здѣсь свое дѣйствіе, такъ что мы вполнѣ согласны съ нижеслѣдующими словами г. Юзефовича: „магометанская про-

паганда, державшаяся до времени въ строго религіозныхъ рамкахъ, можетъ, при извѣстныхъ комбинаціяхъ, сдѣлаться весьма сильнымъ орудіемъ политической агитаціи *извнѣ*".

А такое положеніе вещей, конечно, весьма мало способствуетъ единенію нашихъ мусульманъ съ кореннымъ населеніемъ имперіи.

Переходимъ теперь къ внутреннимъ условіямъ, способствующимъ жизненности мусульманскаго фанатизма. Мы думаемъ, что послѣдній больше всего создается и поддерживается въ школахъ, преподавателями которыхъ являются муллы, т. е. тѣ лица, которыя, въ силу одного своего положенія, должны быть преданными исламу. Они-то и стараются всѣми возможными средствами сдѣлать своихъ учениковъ именно мусульманами; насадивъ въ нихъ вѣру въ божественность предписаній Корана и создавъ довѣріе къ своему авторитету, они очень легко достигаютъ своихъ цѣлей религіозныхъ и политическихъ. Въ журналѣ „Русская Школа" была напечатана статья инспектора народныхъ училищъ Симбирской губерніи подъ заглавіемъ: „О татарскихъ духовныхъ школахъ". Въ ней авторъ, между прочимъ, пишетъ: „Обученіемъ и воспитаніемъ въ мужскихъ школахъ занимаются муллы... Находясь подъ непосредственнымъ, постояннымъ и продолжительнымъ вліяніемъ муллъ, молодые люди успѣваютъ проходить весь учебный курсъ мусульманства и, глубоко проникшись его идеями, становятся впослѣдствіи самыми искренними его исповѣдниками и распространителями. Въ сельскихъ школахъ эти взрослые ученики передаютъ своимъ младшимъ товарищамъ вмѣстѣ съ грамотностью и цѣлую систему преданій, обычаевъ и вѣрованій, составляющихъ важный аксессуаръ къ основнымъ положеніямъ магометанской вѣры, изложеннымъ въ алькоранѣ". О политической агитаціи татарскихъ школъ начальникъ Тамбовской губерніи (въ циркулярѣ 1892 года) говоритъ слѣдующее: „министръ народнаго просвѣщенія, на основаніи доставленныхъ ему попечителями Казанскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ свѣдѣній, увѣдомилъ, что въ магометанскихъ школахъ сихъ округовъ употребляются кромѣ печатныхъ книгъ религіознаго содержанія, рукописныя книги и тетради, заклю-

чающія въ себѣ стихи и пѣсни на татарскомъ языкѣ, въ которыхъ оплакивается зависимость татаръ отъ россійскаго государства, восхваляются турки и другіе мусульманскіе народы востока, умаляется значеніе русскаго народа, выражается сожалѣніе объ участи мусульманъ, призванныхъ къ отбыванію воинской повинности, прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометанъ надъ невѣрными и т. д... Пѣсни эти учениками поются въ свободное время въ школахъ и домахъ родителей, среди собравшагося народа и являются настолько распространенными, что сборники ихъ могутъ быть найдены въ каждомъ домѣ... Кромѣ того, учебнымъ начальствомъ обнаружено, что въ числѣ печатныхъ книгъ, употребляемыхъ въ упомянутыхъ школахъ, встрѣчаются нерѣдко константинопольскія изданія, въ коихъ проводятся мысли прямо враждебныя русскимъ государственнымъ началамъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ доказывается всемірное падишахство турецкаго султана, излагается мнѣніе, что всѣ мусульмане, гдѣ бы они ни были, есть его подданные“ и т. д. Выводъ изъ этихъ оффиціальныхъ сообщеній для нашей темы понятенъ самъ собою.

Кромѣ школъ мусульманскую пропаганду ведутъ еще разные выходцы изъ Бухары и Турціи. Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1893 годъ, со словъ миссіонера Больше-Нарымскаго стана киргизской миссіи, было напечатано слѣдующее сообщеніе: „въ минувшемъ году разъѣзжали по степи два человѣка, называвшіе себя киргизамъ плѣнными турками, томившимися въ Томскомъ острогѣ со времени послѣдней русско-турецкой войны и выпущенными на свободу по заступничеству „правовѣрнаго“ халифа. Назвавшись страдальцами за вѣру мусульманскую, эти проходимцы распространяли среди киргизовъ преувеличенныя свѣдѣнія о турецкомъ султанѣ, превознося до небесъ его справедливость, мудрость и всемірное могущество. „Когда нашъ правовѣрный халифъ, говорили они, поднимется войною на презрѣнныхъ кяфировъ, то и вы здѣсь не оставайте отъ насъ“. Подобные проходимцы въ Сибири встрѣчаются очень часто; несмотря на свое темное происхожденіе и явную нечестность, они однако очень сильно могутъ вліять на невѣжественныя массы народа,

производя въ немъ смуты, подобныя недавно бывшей у насъ въ Средней Азіи.

Надѣемся, что, послѣ всего изложеннаго, едва ли можно утверждать, что мусульманскій фанатизмъ въ наше время есть выдумка досужихъ людей; нѣтъ, онъ существуетъ, и связанъ съ самыми основными принципами ислама, его ученіемъ и духомъ. А если это такъ, то, очевидно, что *однихъ* успѣховъ образованія среди инородцевъ мусульманъ недостаточно для того, чтобы ихъ сліяніе съ русскими состоялось, *потому что умственная дѣятельность есть только часть—и не главная—дѣятельности человѣческаго духа*, тогда какъ мусульманскій фанатизмъ связанъ со всѣмъ строемъ жизни ислама. Правда, просвѣщеніе создаетъ между людьми „нѣкоторое единеніе", но оно далеко неспособно уничтожить всѣ преграды, которыя существуютъ между народами различныхъ вѣроисповѣданій.

Возьмемъ для примѣра двухъ лицъ одинаковаго образованія, но принадлежащихъ къ различнымъ религіямъ и націямъ; они, конечно, въ своей духовной жизни найдутъ очень много общаго, и на этой почвѣ у нихъ можетъ быть единеніе; но внимательное наблюденіе покажетъ, что ихъ воззрѣнія *на многое*, — и притомъ самое важное и существенное,—радикально противоположны, и вотъ эта-та противоположность и можетъ быть причиною вражды, которую не устранитъ и образованіе.

Тоже самое нужно сказать и о нашихъ татарахъ и всѣхъ инородцахъ, исповѣдающихъ исламъ. Мусульмане не отвергнутъ то образованіе, какое мы предложимъ имъ, но они воспользуются имъ въ своихъ видахъ: мы уже видѣли, что образованные мусульмане предлагаютъ *исламизировать* науку. Не значитъ ли это, что она должна служить ихъ религіозно-политическимъ цѣлямъ?

Говоря это, мы далеки отъ той мысли, что не слѣдуетъ просвѣщать мусульманъ; нѣтъ, мы сочувствуемъ и рады успѣхамъ между ними истиннаго образованія, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы наука въ мухаммеданскихъ школахъ *осталась чистой наукой, а не исламизированной*.

Но недостаточно и этого; чтобы образованіе и наука имѣли

несомнѣнный и полный успѣхъ, къ нимъ необходимо присоединить еще проповѣдь о христіанской вѣрѣ, которая связуетъ народы болѣе крѣпко, чѣмъ все другое, не исключая и просвѣщенія. Дѣйствительно, только переходъ мусульманъ въ христіанство уничтожитъ всѣ препятствія, которыя существуютъ въ дѣлѣ сліянія ихъ съ коренными населеніемъ Русской Имперіи. Проповѣдь о Богѣ, любящемъ и спасающемъ всѣхъ людей безъ исключенія, откроетъ нашимъ мусульманамъ новый божественный міръ; проповѣдь о любви ко всѣмъ людямъ, какъ единственно-истинномъ и достойномъ человѣка принципѣ жизни, дастъ имъ возможность наилучшимъ образомъ опредѣлить свои отношенія къ людямъ, принадлежащимъ къ иной вѣрѣ и націи.

Итакъ, мы пришли къ той мысли, что въ дѣлѣ сліянія инородцевъ-мусульманъ съ русскими главное значеніе имѣетъ религія: пока первые исповѣдуютъ исламъ, до тѣхъ поръ въ нашемъ отечествѣ они будутъ представлять нѣчто особенное, отдѣльное отъ коренного населенія; напротивъ, принятіе ими православія само собою пріобщитъ ихъ не только къ нашей вѣрѣ, но и къ нашей гражданственности.

Теперь возникаетъ вопросъ—какимъ путемъ можно истины христіанскія сдѣлать настолько ясными и убѣдительными для мусульманъ, чтобы они отказались отъ своего суевѣрія и восприняли ихъ? Иначе сказать, какъ нужно поставить наше миссіонерство, чтобы оно имѣло успѣхъ среди мухаммеданъ?

Безспорно, что проповѣдь миссіонера только тогда будетъ имѣть успѣхъ, когда онъ *будетъ исполненъ воодушевленія и искренняго желанія* нести слово истины Христовой ко всѣмъ народамъ, несмотря ни на какіе труды и опасности. Это первое и главнѣйшее условіе благоуспѣшности миссіонерскаго служенія,—но одного его еще мало.

Миссіонеру необходимо еще хорошо и основательно знать тотъ народъ, или то племя, среди котораго онъ будетъ проповѣдывать,—*его особенности, бытъ, нравы,—и главнѣе всего,—его вѣрованія, которыхъ онъ держится доселѣ.*

Религія есть священнѣйшее достояніе каждаго человѣка. Не смотря на то, что существуетъ много религій, изъ которыхъ

каждая отрицаетъ другую, всякій свое исповѣданіе считаетъ истиннымъ; открыто нападать и прямо порицать вѣру человѣка, какова бы она ни была, значитъ оскорблять его въ самыхъ святыхъ чувствахъ.

Если это такъ, то, очевидно, что начинать христіанскую проповѣдь среди мусульманъ съ указанія и обличенія недостатковъ ислама, едва ли будетъ цѣлесообразно и полезно.

Сказать мусульманину прямо, что исламъ есть ложная религія, значитъ обидѣть его; настаивать на этомъ, значитъ вооружить его противъ себя. Въ этомъ случаѣ современный христіанскій миссіонеръ долженъ слѣдовать примѣру св. апостоловъ, первыхъ и лучшихъ христіанскихъ миссіонеровъ. Какъ учили и дѣйствовали апостолы?

Великій апостолъ языковъ св. Павелъ началъ свою проповѣдь о Христѣ Іисусѣ въ аѳинскомъ ареопагѣ съ указанія на то, что онъ замѣтилъ добраго въ религіи аѳинянъ. „Аѳиняне! говоритъ онъ, по всему вижу я, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: невѣдомому Богу. *Сего-то Котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ* (Дѣян. 17, 23)“.

Далѣе,—какъ боролись съ язычествомъ первые христіанскіе апологеты? Съ чего они начинали свою полемику? Въ своихъ сочиненіяхъ они часто указываютъ на то обстоятельство, что христіанство во многихъ пунктахъ своего вѣроученія напоминаетъ *лучшія* стороны язычества. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна апологія Аѳинагора.

Нѣчто подобное напоминаетъ намъ и дѣятельность лучшихъ отечественныхъ миссіонеровъ послѣдняго времени. Напримѣръ, о Н. П. Ильминскомъ извѣстно, что онъ никогда не начиналъ своихъ бесѣдъ съ мусульманами съ обличенія ислама, а сначала старался найти въ немъ что-либо достойное вниманія и затѣмъ сопоставлялъ его съ христіанствомъ для доказательства того, что послѣднее выше мухаммеданства, и результаты получались благіе.

Слышали мы также, что въ одной изъ нашихъ миссій изданы и распространяются среди мусульманъ книжечки, состав-

ленныя изъ изреченій Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта,— съ которыми согласится всякій человѣкъ, какой бы вѣры онъ ни былъ. Напр., „Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебѣ было хорошо и чтобы продлились дни твои на землѣ, которую Господь Богъ твой, даетъ тебѣ. (Исх. 20, 12)“ „Ищите прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ (Мѳ. 6, 33)“ и мн. др.

Что можетъ сказать противъ этихъ священныхъ изреченій, хотя бы мусульманинъ? Очевидно ничего. Между тѣмъ онъ узнаетъ, что они принадлежатъ христіанству, и убѣждается, что въ послѣднемъ много хорошаго; а такое признаніе можетъ уже послужить первымъ шагомъ къ принятію его. Итакъ, христіанскую проповѣдь среди мусульманъ нужно начинать съ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ наша религія какимъ-либо образомъ соприкасается съ исламомъ.

Что-же теперь сказать о полемической литературѣ? Нужна ли она? Изъ всего сказаннаго не вытекаетъ ли того заключенія, что она излишняя? Нѣтъ, напротивъ, намъ думается, что полемика съ мусульманами при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть мѣсто, но ею нужно пользоваться весьма и весьма осторожно: безполезно, даже крайне вредно въ доказательство чего-либо приводить мѣста сомнительныя или темныя, дающія мѣсто двоякому толкованію. Если полемика ведется на научной почвѣ, весьма полезно выяснить мусульманину вопросъ *о зависимости* догматическаго и нравственнаго ученія ислама отъ христіанства; сдѣлать же это очень нетрудно при массѣ пособій въ этой области, хотя, конечно, и здѣсь нужно соблюдать туже осторожность, какую мы рекомендовали и при полемикѣ.

Мы сказали, что исламъ вошелъ въ плоть и кровь своихъ послѣдователей, опредѣляя каждый шагъ ихъ жизни. Молитва въ опредѣленное время дня, милостыня, постъ, путешествіе въ Мекку, чтеніе Корана и легендарныхъ сказаній къ нему,—вотъ главныя проявленія религіозно-нравственной жизни и дѣятельности мусульманина.

Соотвѣтственно этому и обратившагося въ христіанство мухаммеданина надобно поставить въ такія условія, въ которыхъ бы

новая вѣра также опредѣляла всю его дѣятельность и ощутительно для него сказывалась въ повседневныхъ явленіяхъ его жизни.

Для этой цѣли могутъ быть полезны слѣдующія мѣры:

1) Богослуженіе для обращаемыхъ должно быть совершаемо возможно *чаще и благоговѣйнѣе*, такъ чтобы оно производило надлежащее дѣйствіе на ихъ умы и сердца.

2) Нужно стараться о томъ, чтобы обращенные строго исполняли христіанскія заповѣди о постѣ и милостынѣ.

3) Полезно было бы расположить ихъ и содѣйствовать имъ совершать путешествія ко святымъ мѣстамъ, преимущественно въ Москву, Кіевъ и Соловки, а также и къ мѣстнымъ святынямъ.

4) Необходимо издать на ихъ родномъ языкѣ, кромѣ книгъ Св. Писанія, и книги для назидательнаго чтенія, особенно житія святыхъ.

5) Въ школахъ для нихъ на первомъ планѣ долженъ стоять элементъ воспитательный, такъ чтобы ученики этихъ школъ твердо держались того духа и строя, тѣхъ обычаевъ русской народной жизни, которыя сложились подъ постояннымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ св. православной вѣры.

6) Священники у обращенныхъ должны быть инородцы; только они, какъ хорошо знающіе языкъ своихъ пасомыхъ, могутъ быть для нихъ истинными пастырями.

7) Желательно было бы учредить для мусульманокъ особый классъ проповѣдницъ, потому-что только онѣ, въ силу извѣстнаго положенія женщины въ исламѣ, могутъ имѣть доступъ во внутреннюю семейную жизнь мусульманъ.

8) Полезно было-бы, кромѣ установленнаго класса проповѣдниковъ миссіонеровъ, имѣть еще въ качествѣ ихъ особыхъ книгоношъ изъ лицъ, пользующихся уваженіемъ и довѣріемъ среди мѣстнаго населенія; они могли-бы сильно противодѣйствовать пропагандистамъ ислама, по крайней мѣрѣ такой типъ миссіонеровъ, по свидѣтельству достоуважаемаго о. Сергія (Страгородскаго), приноситъ въ Японіи большую пользу православной миссіи.

Развивая болѣе энергическую дѣятельность нашей противо-

мусульманской миссіи, не слѣдуетъ бояться, что она вызоветъ мусульманскій фанатизмъ, потому что обратить въ христіанство фанатика—мусульманина больше надежды, чѣмъ человѣка относящагося къ религіи совершенно равнодушно и не дорожащаго ею.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ то заключеніе, что лучшее, наиболѣе вѣрное и благонадежное рѣшеніе вопроса о сліяніи инородцевъ-мусульманъ съ русскими заключается въ миссіонерской дѣятельности нашей Православной Церкви; безъ нея всѣ труды, всѣ усилія въ этомъ отношеніи будутъ безсильны предъ мусульманскимъ фанатизмомъ и ученіемъ ислама о правительствѣ и верховной власти.

По шаригату, мусульманинъ можетъ повиноваться только мусульманской власти. Грозный въ первые вѣка своего существованія, исламъ, стремясь къ всемірному господству, никакъ не могъ допустить, чтобы исповѣдники его подпали подъ иго чуждой власти, потому и требовалъ, чтобы они признавали надъ собою только исламическую власть. Поэтому мусульмане въ духѣ своей религіи всегда смотрѣли на христіанскихъ правителей, какъ на беззаконныхъ похитителей власти, такъ какъ они получили свою власть не отъ Бога и не суть намѣстники Его на землѣ, какими могутъ быть только мусульманскіе государи,—калифы. Король Людвикъ XVI, имѣя въ виду своихъ подданныхъ мусульманъ, просилъ марокскаго халифа дать ему титулъ султана, но тотъ отвѣчалъ: „я никого не знаю, кто бы въ позднѣйшее время заслужилъ этотъ титулъ; только тѣ истинные султаны, которые будутъ увѣнчаны Богомъ въ раю, а не тѣ, которые будутъ низринуты въ адскій огонь т. е. христіане“. Вообще, мусульманинъ, оставаясь вѣренъ исламу, не можетъ признать верховнаго господства иновѣрной власти. Потому въ государствѣ мусульмане и христіане никогда не составляли, да и не могутъ составить одного органическаго цѣлаго. Во всякомъ государствѣ, гдѣ исламъ не имѣетъ господства, мусульмане составляютъ скорѣе чуждую всякой органически-государственной жизни составную часть. Для мусульманина нѣтъ отечества; его отечество тамъ, гдѣ исламъ; не любовь къ отечеству, не угро-

жающая опасность возбуждаетъ воинскій пылъ въ душѣ мусульманина, заставляетъ его становиться въ ряды войска и жертвовать своею жизнію, а ревность къ исламу. Въ силу этого иновѣрное правительство, какъ-бы оно гуманно ни было, не можетъ расчитывать на симпатію мусульманъ. И во время послѣдней русско-турецкой войны не портреты Скобелева, Гурко возбуждали сочувствіе нашихъ мусульманъ, а портреты Абдулъ-Гамида и Мухтара, и портреты эти цѣлыми тысячами раскупались казанскими и другими татарами[1]). И это очень понятно, если принять во вниманіе, что всѣ мусульмане считаютъ турецкаго султана *тѣнью Бога на землѣ*, отъ руки котораго умереть значитъ тоже, что принять мученичество. Разъ одному великому визирю говорили о любви къ нему султана и великихъ милостяхъ, которыми тотъ его осыпалъ. „Дѣйствительно, воскликнулъ визирь, султанъ наградилъ меня всѣмъ; только бы Богъ удостоилъ меня принять отъ него мученичество“ т. е. умереть по смертному приговору утвержденному султаномъ (Рикотъ, Турецкая Имперія). Впрочемъ такой взглядъ мусульманъ-сюннитовъ на турецкаго султана обусловливается естественнымъ желаніемъ всѣхъ людей видѣть во главѣ своего правительства единовѣрца. Но мусульмане идутъ дальше. Ихъ задушевное желаніе—составить на землѣ единое государство вѣрующихъ. Мы уже упоминали, что у нашихъ татаръ очень распространены константинопольскія изданія, въ которыхъ высказывается взглядъ на всемірное падишахство турецкаго султана. Мы приведемъ здѣсь еще одинъ разсказъ (изъ книги Рикота), характеризующій политическія чаянія исламитянъ. „Одинъ старый турокъ, говорившій по итальянски и, слѣдовательно, не чуждый культуры, разсказывалъ мнѣ, говоритъ Литль-Бой, о крымской компаніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „глава живущаго среди сѣверныхъ льдовъ и снѣговъ народа обладалъ какимъ-то пунктомъ на Черномъ морѣ и вмѣсто того, чтобы быть благодарнымъ за владѣніе этимъ пунктомъ, вздумалъ возстать противъ *падишаха міра* въ его большой и хорошо укрѣпленной столицѣ — Константинополѣ. Тогда султанъ призвалъ

---

[1]) См. „Верховная власть въ исламѣ“ проф. М. Машанова.

своихъ вассаловъ (!) изъ франкской земли, именно, французовъ и англичанъ, и сообща съ ними поразилъ сѣвернаго главу, взялъ у него корабли, запретилъ ему строить новыя суда и, главное, плавать по водамъ султана, по Черному морю, по Босфору, Мраморному морю, Геллеспонту и т. д. Въ прежнее время султанъ, къ сожалѣнію, полагался на храбрость своихъ турокъ и потому презиралъ оружіе и сухопутныя и водяныя сооруженія, какія существуютъ у франковъ (европейцевъ), въ томъ убѣжденіи, что пророкъ даруетъ побѣду храбрости правовѣрныхъ, сражающихся подъ знаменемъ полумѣсяца; но въ послѣднее время падишахъ увидѣлъ, что новыя пушки, скорострѣльныя ружья и броненосныя суда доставляютъ выгоды и преимущества, которыми могутъ воспользоваться и правовѣрные. Поэтому онъ собралъ деньги съ своихъ упомянутыхъ данниковъ на западѣ (англичанъ, французовъ, итальянцевъ) и роздалъ имъ въ томъ росписки, въ коихъ сказано, что онъ уплатитъ взятыя деньги, когда ему будетъ угодно; на деньги же онъ построилъ корабли и улучшилъ сухопутное и морское вооруженіе, а если данники вздумаютъ затѣять ссору изъ за взятыхъ у нихъ денегъ, то турки отвѣтятъ имъ оружіемъ, которое куплено на ихъ же деньги, *ибо падишахъ, по волѣ Аллаха, господинъ міра и всѣхъ народовъ* (!)“. Мнѣніе это раздѣляется многими мусульманами даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Азіи. Къ падишаху приходятъ инородцы съ депутаціями изъ внутренней Азіи, неизвѣстные намъ даже по имени; недавно еще какое-то племя на Суматрѣ отправило къ нему посольство съ жалобой на голландскихъ гяуровъ“. (Литль-Бой. Путешествіе по Турціи).

Отсюда можно видѣть, насколько законоположенія ислама, и убѣжденія мусульманъ, говоритъ проф. М. Машановъ, могутъ служить нравственной опорой правленія, основаннаго на другихъ, не исламическихъ началахъ, и насколько *истинный* мусульманинъ можетъ быть настоящимъ гражданиномъ не мусульманскаго государства (Верховная власть въ исламѣ).

Выводъ отсюда понятенъ самъ собой. Но возможно-ли надѣяться, что наши мусульмане когда-нибудь обратятся въ христіанство, принимая во вниманіе ихъ извѣстную стойкость въ

своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ словами пастора Хаури: „возможно надѣяться, даже обязательно надѣяться и сѣять надежду. Какъ-бы ни было отдаленно то время, когда сознаніе, что „Мухаммедъ-посланникъ Бога“ замретъ на устахъ послѣдняго мусульманина, оно все-таки настанетъ, и тогда христіанство будетъ единственной великой силой, призванной строить царствіе Божіе на землѣ (Der Islam)“.

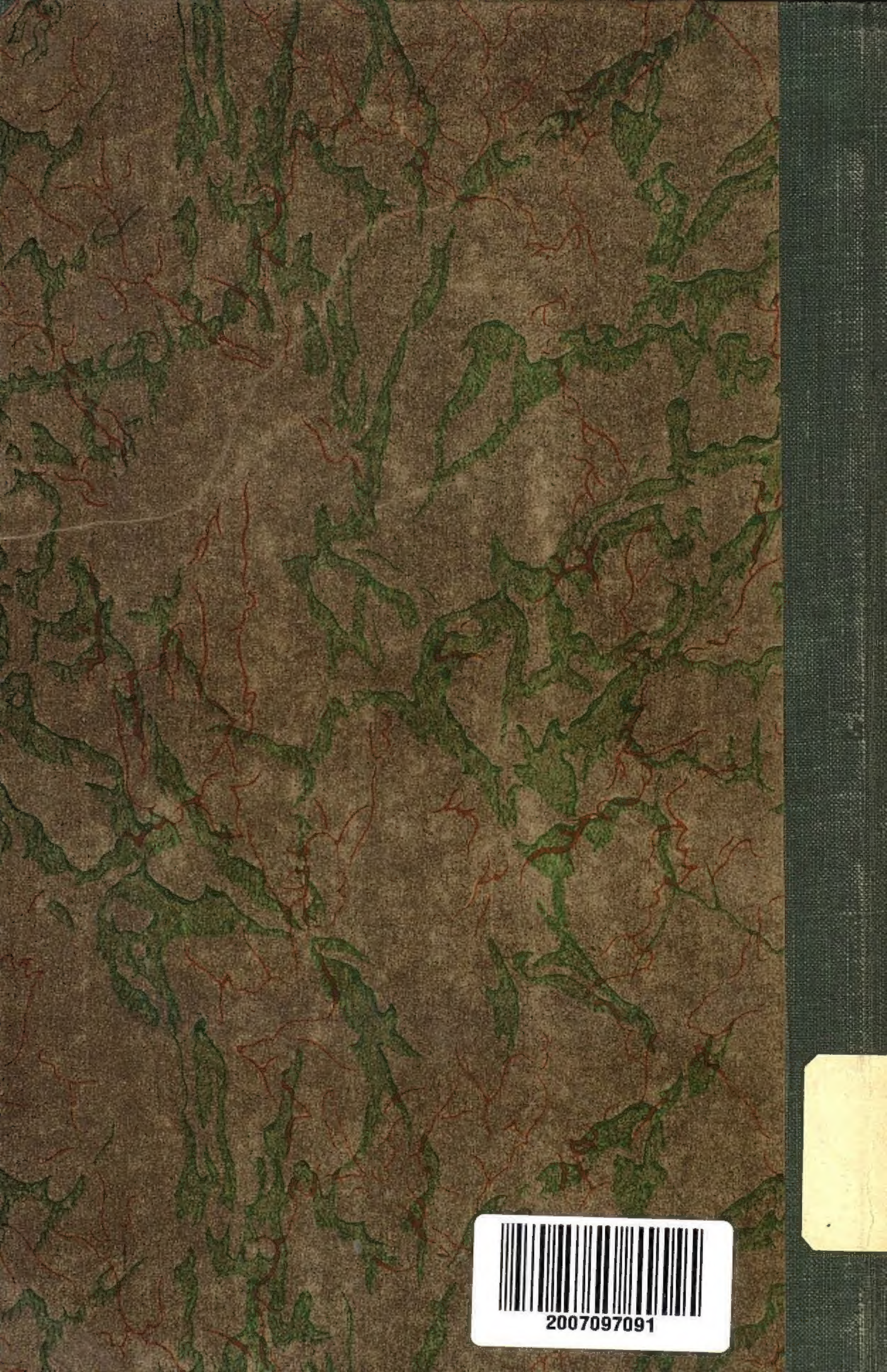
Іеродіаконъ Виссаріонъ.

Оттискъ изъ №№ 7, 8, 9 и 10 „Православнаго Благовѣстника“ за 1900 г.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 10 іюня, 1900 года.

Цензоръ священникъ *Александръ Гиляревскій.*

Печатня А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., собств. домъ.

2007097091